

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'27
ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.29

Код ВАК 10.02.19

Я. Галло

Нитра, Словацкая Республика

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Аннотация. Статья посвящена изучению проблематики одного из «центризмов», актуальных для человеческой экзистенции, — антропоцентризма в лексическом пространстве как перспективы языковой картины мира. В работе отмечаются три аспекта проявления антропоцентризма в языке: на лексическом уровне, на уровне фразеологии и на уровне категории оценочности, выражаемой в языке. Обсуждается проблема закрепления антропоцентризма в языке, освещенная польскими исследователями А. Пайзиньской и Р. Токарским. Рассматриваются четыре базовые категории, отражающие структуру естественного мира: пространство — время — множество и степень — интенсивность. В качестве доказательства проявления антропоцентризма в языке в осмыслении указанных категорий приводятся примеры метафорических выражений из разных славянских языков: словацкого, польского, русского. Идее отражения антропоцентризма в языке, который проявляется на уровне метафорических выражений и репрезентируется в виде оценочных суждений посредством «очеловеченных» сравнений, дается философское обоснование, заключающееся в представлении о том, что человеку изначально свойственно познавать окружающий мир и самоё себя сквозь призму собственного «Я»: в частности — сквозь призму физически ощутимого тела, сквозь призму собственных чувств, впечатлений и оценок.

Ключевые слова: антропоцентризм; антропоморфизм; тело; человек; языковая картина мира.

J. Gallo

Nitra, Slovak Republic

COGNITIVE ASPECTS OF ANTHROPOCENTRIC MODELING LINGUISTIC WORLDVIEW

Abstract. The paper deals with the issue of one of centrisms — anthropocentrism in lexical space as a perspective of linguistic worldview. The article discusses three aspects of anthropocentrism in the language: at lexical level, at phraseological level, and at the level of evaluation category expressed in the language. The issue of anthropocentrism in language in the framework of Polish phraseology according to A. Pajdzińska and R. Tokarski is discussed. The research of four basic categories reflecting the structure of natural world: space — time — quantity and degree — intensity is undertaken. As a proof of anthropocentrism in language in the comprehension of these categories, examples of metaphorical expressions from different Slavic languages are given: Slovak, Polish, and Russian. Philosophical justification is given to the idea of anthropocentrism in a language that manifests itself at the level of metaphorical expressions and is represented in the form of value judgments by means of «humanizing» comparisons, consisting in the notion that it is natural for a person to know the world around them through a prism of their own self, in particular through the prism of a physically perceptible body, through the prism of their own feelings, impressions and assessments.

Keywords: anthropocentrism; anthropomorphism; body; person; language worldview.

Введение. Центром мира, центром, определяющим человеческую перспективу, является человеческое, субъективно проживаемое тело: тело определённой величины, структуры, пропорций, со специфически образующимися и работающими органами, оснащёнными человеческими чувствами и восприимчивостью. Принципиальная задача телесности в человеческой когниции выражена заглавием книги М. Джонсона *The body in the mind* — «Тело в мыслях» [Johnson 1987]. Проявлением антропоцентризма языка становятся в таком случае и концептуальные схемы (image schemas) Д. Лакоффа и М. Джонсона, относящиеся к нашей телесности и закреплённости в пространстве: сосуд (container) или схема внутри — на улице, дальше схемы центр и окраина, целое и часть, путь, цикл и др. [ср. Johnson 1987; Lakoff, Johnson 1999].

Принципиальная для человека задача — осмысление тела и человеческой перспективы в языке (и в более глубоких структурах, на которые языковые выражения указывают) — отражается главным образом в словарном запасе любого языка мира. Таким образом, **принцип антропоцентризма**, предполагающий признание ведущей роли человека

в организации и использовании языка, является одним из фундаментальных принципов, действующих при когнитивном освоении мира человеком [см. подробнее о принципах: Дзюба 2015: 78–81].

Язык действительно сам по себе антропоцентричен, он представляет собой картину мира такой, как она кажется человеку, в каком виде она существует для человека. Человек стоит в центре языка и это проявляется во многих отношениях. Языковая картина мира [см. Алефиренко, Корина 2011: 110–124; Корина 2014; Kováčová 2015a: 171–187], имеющая своё основание в антропоцентризме, относится (первично в своей основной позиции) собственно к миру естественному. Она связана с контекстами ежедневной жизни. Согласно словацким исследователям Я. Соколовой и Н. Кориной, антропоцентризм «представляет собой совокупность свойств языка, обусловленную тем, что вещи и явления мира человек познаёт с точки зрения своих предпочтений. В лингвистике не случайно бытует мнение, что лексический фонд любого естественного языка имеет две доминанты: человек и мир. Поэтому в любом языке содержатся лексические выражения, изначально связанные с человеком: наименования человека,

наименования частей тела, наименования физических и психических качеств, наименования артефактов и т. д.» [Соколова, Корина 2013: 41]. Похожее мнение высказала в своей научной статье и З. Ковачова. По ее мнению, «в смысле антропоцентризма как основного постулата когнитивной лингвистики человек является центром языкового события и сходным образом сам по себе становится меркой или инструментом выражения нескольких существей» [2015b: 169–170].

Обсуждения и результаты. Антропоцентризм, однако, не значит только *body in the mind*, даже если имеет в человеческой телесности бесспорно свою основу. Ведь что другое, как не тело, основывает нашу расположенность и перспективу — место, где стоим (собственными ногами) и оттуда смотрим в мир (собственными глазами)? Это перспектива ни птичья, ни лягушечья, а именно человеческая. Продемонстрируем это положение некоторыми примерами.

1. Метафоричность языка как отражение антропоцентризма. Выражением антропоцентризма является известный факт, что в основе многих лексикализованных метафор стоят названия частей человеческого тела (т. н. соматизмы): *hrdlo fľaše* — горлышко бутылки; *ucho džbánu* — ручка кувшина; *hlávka cesnaku* — головка чеснока; *ruka zákona* — рука закона. И среди глаголов изобилуют переносными значениями те, которые обозначают основные человеческие телесные положения или движения: *stát'* — стоять; *sedieť* — сидеть; *ležat'* — лежать; *ísť* — идти; *bežat'* — бежать; *niest'* — нести. *Stoim* можно сказать не только о человеке, но, напр. также о любом объекте (стол, шкаф, чашка на столе) или о погоде, *лежит* снег на полях, *идут* или *не идут* часы, *бежит* время...

2. Оценочность как проявление антропоцентризма в языке. Однако ещё более глубокое закрепление антропоцентризма в языке обнаружим, согласно А. Пайдзиньской [1990] и Р. Токарскому [1991 b], если исследуем *оценку*, присутствующую в разнообразных языковых выражениях. Оказывается, что в языке представляет собой наиболее высокую оценку именно человек (и его «человеческие» качества). Что является человеческим, то является и хорошим. Ряд переносных значений и фразем, например, исходит из оппозиции «человек — животное», причём это «зверинное» является в сравнении с «человеческим» всегда отрицательным (*buďme ľudmi* — быть нам людьми; *konečne sa cítil ako človek* — в конце концов он чувствовал себя как человек; *správať sa neľudsky / ľudsky* — вести себя не по-человечески / по-человечески; *(ne)správať sa ako človek* — вести себя не по-человечески; *správať sa ako zvieratá, ako dobytok* — вести себя как животное, как скотина; *neľudské* — звериное — *beštiálne zaobchádzanie* → нечеловеческое — животное — зверское обращение и др.). Можно привести в пример также частые пренебрежительные выражения, грубые просторечия, относящиеся план содержания выражения к звериному миру (*krava* — корова; *hus* — гусыня, *osol* — осёл; *krysa* — крыса) и др. Сравнить можно также депрещивный характер первично «зверинных» выражений, если они употреблены о человеке (*žrat'* — жрать; *zdochnúť* — подохнуть; *pelech* — лого-

вище). Хотя ласковыми являются некоторые звериные уменьшительные слова (*kocúrik* — котик и *mačička* — кошечка; *myška* — мышка; *vtáčik* — птичка; *chrobáčik* — жучок), однако неумножительные названия этих животных (ср. *myš* — мышь; *vták* — птица; *chrobák* — жук) в связи с человеком (может быть за исключением *mačička* — кошечка) большей частью никаких положительных коннотаций не несут.

3. Проявление антропоцентризма во фразеологии. А. Пайдзиньская делает акцент на **антропоцентрическом характере фразеологии**. Фразеология свидетельствует о характере языковой картины мира весьма принципиально. Основными координатами языковой картины мира можем понимать концептуальные схемы Лакоффа и Джонсона, а также и ориентировочные метафоры, исходящие из трёх размеров: **наверху** — **внизу** (например: *Hlavu hore!* — Выше голову!; *Nevešaj hlavu!* — Не вешай голову!); **вперед** — **сзади** (например: *Byť pozadu [s niečím, v niečom, za niečím, za niekým]* — быть [идти, тащиться, плестись, оказаться] в хвосте) [см. Stěpanova, Svašková, Arkhangelska 2016: 43–48] и **направо** — **налево** (например: *Neobzerat' sa ani vľavo ani vpravo* — действовать без оглядки).

Своё научное сочинение об антропоцентричности польской фразеологии А. Пайдзиньская разделяет на четыре части, которые показывают структуру естественного мира: пространство — время — множество и степень — интенсивность.

Что касается отношений **пространства**, то исходным пунктом и перспективой вновь является человек в своей телесности. Если должна быть выражена пространственная близость, в польском языке используется (то же в других славянских языках) главным образом название трёх частей тела: **носа**, **руки** и **бока**, напр. *niekto nám zabuchne dvere pred nosom* — кто-нибудь нам захлопнет дверь *прямо перед носом*; *mať niečo po ruke* — иметь *под рукой*; *kráčal s pekným dievčaťom po boku* — шаггал с красивой девушкой *рядом*. Немало таких выражений в русском языке: находиться *под самым носом*, *нос к носу* (т. е. вблизи), *рукой* подать (т. е. находиться недалеко), жить *бок о бок*, быть *под боком* (т. е. совсем рядом) и мн. др.

Время обычно понимается в категориях пространственных. Ряд слов относится одновременно к пространству и времени (ср. напр. *pred* — *перед*, *po* — *после*, *v* — *в*, *okolo* — *возле*, *dlhý* — *длинный*, *krátky* — *короткий*, *začiatok* — *начало*, *koniec* — *конец*): ср. *boli v lese* — мы были в лесу и *stalo sa to v júli* — это случилось в июле. *Начало* и *конец* может иметь верёвка, но также дорога (в обоих значениях, конкретном и абстрактном) или лекция, и это всё может быть *длинное* или *короткое*. Упомянем также о временном значении первично пространственных предлогов: *je to pred mnou* — это *передо мною*; *mám pred sebou skúšku* — *уž je to za mnou* → *передо мной экзамены* — это уже у меня за плечами и т. п. И вновь об антропоцентризме свидетельствуют многочисленные соматизмы, отражающие временные значения, ср.: быть *на носу* (т. е. приближаться — о времени), *нос не дорос* (о молодости для какого-либо

дела), сделать что-либо *на скорую руку* (т. е. очень быстро) и др.

Множество и **степень** также нередко выражаются при помощи слов, обозначающих части тела: *spočítat niečo na prstoch jednej ruky* (málo) — *можно по пальцам пересчитать* (мало); *mať niečoho po krk* — *быть чем-нибудь сытым по горло* и *nad hlavu* (mnoho — a nepríjemného) — *быть сытым по горло* (много — и неприятного)).

Категория **интенсивности** проявляется посредством лексических маркеров, обозначающих сома-тизмы, ср.: *uvesti iz-pod nosa, pred samým nosom* (т. е. в непосредственной близости), *krv z nosu* (т. е. обязательно, любой ценой); *ak rukou sňalo* (т. е. быстро, внезапно), *držať ruku na pulse* (быстро реагировать) и др.

Человеческое тело тщательно осмыслено, в результате чего человек оказывается «вхожим» в язык и сам мир, как об этом свидетельствуют многочисленные языковые факты, отражающие фрагменты языковой картины мира.

Следует заметить, что с понятием антропоцентризма языковой картины мира тесно связано понятие **антропоморфизма**. Отчетливо заметна тенденция «очеловечивать» (т. е. наделять человеческими характеристиками иные объекты реального мира) не только животных (*mačka sa nazlostila* — *кошка рассердилась*; *pes žiarli* — *собака ревнует*), но и неживые объекты, вещи, приборы и под. (*например: práčka zatiaľ dobre slúži* — *стиральная машина пока хорошо служит*; *stroj štrajkuje* — *машина бастует*; *vysávač vypovedal službu* — *пылесос перестал действовать*; *čo mi to ten počítač zasa robí* — *что мне этот компьютер опять делает*) или части тела (*neposlúcha ho srdiečko* — *не слушает его сердечко*), или болезни (*skolila ho chrípka* — *свалил его грипп*). Характеризуя погоду и явления природы, мы часто используем лексические единицы, первично назначенные человеческим субъектам (*slnko sa smeje* — *солнце смеётся*; *je zamračené* — *пасмурно*; *uplakaný deň* — *плаксивый день*).

Заключение. Языковая картина мира является, если следовать философии Хайдеггера, выражением экзистенциальных категорий. В языковой картине мира и посредством её структур раскрываются конститутивные моменты человеческой жизни (например: бытие в мире, забота и устраивание, событие, злободневность, тревога, радость, впадение, возможность, проектирование будущего, решение, смерть, и, конечно, понимание и речь) [ср. Heidegger 1996, passim].

Циклы человеческой жизни задаёт Солнце и движение Земли — день и ночь, темнота и свет, сон и бодрствование; чередование времён года, новые и новые «подростание и задний ход» Луны. Солнце с давних пор человек видит утром *восходящим*, в обещанное время *стоящим высоко* и вечером *саждающимся за горизонт*. С другой стороны, и сам человек *работает днём и ночью, с темноты до темна, от зари до зари*. Таким образом, человек, будучи частью этого мира, осознавая, что его жизнь обусловлена явлениями этого мира, видит этот мир через самоё себя и таким образом согласует свое бытие с

экзистенцией объективного мира. Всё это имеет свою **языковую размерность**, происходит в значительной мере в связи с языком или с речью, или точнее посредством неё. «Всё, что является человеческим, должны были бы принимать как высказанное», — пишет Гадамер [ср. Gadamer 1999: 29], если речь идёт о межчеловеческой коммуникации, об образе и толковании мира или об области отношения к тому, что невозможно схватить органами чувств. Человек побуждён к тому, чтобы все вокруг и самоё себя осмыслить по-человечески и выразить на доступной для себя основе — то есть посредством языка, то есть высказать.

ЛИТЕРАТУРА

Alefurenko N. F., Korina N. B. Проблемы когнитивной лингвистики. — Nitra: Universitet Konstantina Filozofa v Nitre, 2011.

Džuba E. V. Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании: монография. — Екатеринбург: Уральский гос. пед. университет, 2015. — 286 с.

Gadamer H. G. *Člověk a řeč*. — Praha, 1999.

Heidegger M. *Das Ding — Věc; Die Sprache — Řeč; Dichterisch wohnet der Mensch — Básnický bydlí člověk // Básnický bydlí člověk*. — Praha, 1993. — S. 6–35; 42–75; 76–103.

Heidegger M. *Bytí a čas*. — Praha, 1996.

Johnson M. *The body in the mind: the bodily basis of meaning, imagination, and reason*. — Chicago; London, 1987.

Korina N. i kol. *Jazyková jartina mira i kognitivnyje priority jazyka*. — Nitra: Universitet Konstantina Filozofa v Nitre, 2014.

Kováčová Z. *Jazyk a (po)rozumienie z aspektu kognitívnej lingvistiky*. — Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, 2015 a.

Kováčová Z. *K otázke posesívneho dátivu ako kategórii aspektu v kontexte lingvokognitívneho chápania posesívnosti na porovnaní španielskeho a slovenského jazyka // Slovenčina v kontexte slovanských a neslovanských jazykov*. — 2015 b. — S. 169–180.

Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the flesh: the embodied mind and its challenge to Western thought*. — New York, 1999.

Pajdzińska A. *Antropocentryzm frazeologii potocznej // Etnolingwistyka*. — 1990. — S. 59–68.

Pčola M. *Za hranicami fikčného rozprávania. Interpretácie prístupy k umeleckým a mimoumeleckým typom narácie*. — Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, 2016.

Sokolová J. *Tri aspekty verbálneho textu*. — Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, 2012.

Sokolova J., Korina N. *Človek — Jazyk — Diskurs*. — Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2013.

Štěpanova L., Svašková M., Arkhangelska T. *Obraz človeka vo frazeologii = Člověk ve frazeologii: výkladový slovník, tezaurus*. — Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2016.

Tokarski R. *Człowiek w definicji znaczeniowej słowa // Przekład Humastyczny*, 1991b. — № 3–4. — S. 131–140.

Vaňková I., Nebeská I., Saicová-Řimalová L., Šlédrová J. C. *Co na srdci, to na jazyku. Kapitoly z kognitivní lingvistiky*. — Praha: Nakladatelství Karolinum, 2005.

REFERENCES

Alefurenko N. F., Korina N. B. *Problemy kognitivnoy lingvistiky*. — Nitra: Universitet Konstantina Filozofa v Nitre, 2011.

Dzyiba E. V. *Lingvokognitivnaya kategorizatsiya v russkom yazykovom soznanii: monografiya*. — Ekaterinburg: Ural'skiy gos. ped. universitet, 2015. — 286 s.

Gadamer H. G. Člověk a řeč. — Praha, 1999.

Heidegger M. Das Ding — Věc; Die Sprache — Řeč; Dichterisch wohnet der Mensch — Básnický bydlí člověk // Básnický bydlí člověk. — Praha, 1993. — S. 6–35; 42–75; 76–103.

Heidegger M. Bytí a čas. — Praha, 1996.

Johnson M. The body in the mind: the bodily basis of meaning, imagination, and reason. — Chicago; London, 1987.

Korina N. i kol. Jazykovaja kartina mira i kognitivnyje priority jazyka. — Nitra: Univerzita Konstantína Filozofa v Nitre, 2014.

Kováčová Z. Jazyk a (po)rozumenie z aspektu kognitívnej lingvistiky. — Nitra: Univerzita Konstantína Filozofa v Nitre, 2015 a.

Kováčová Z. K otázke posesívneho datívu ako kategórii aspektu v kontexte lingvokognitívneho chápania posesívnosti na porovnaní španielskeho a slovenského jazyka // Slovenčina v kontexte slovanských a neslovanských jazykov. — 2015 b. — S. 169–180.

Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the flesh: the embodied mind and its challenge to Western thought. — New York, 1999.

Pajdzińska A. Antropocentryzm frazeologii potocznej // Etnolingwistyka. — 1990. — S. 59–68.

Pčola M. Za hranicami fikčného rozprávania. Interpretáčnne prístupy k umeleckým a mimoumeleckým typom narácie. — Nitra: Univerzita Konstantína Filozofa v Nitre, 2016.

Sokolová J. Tri aspekty verbálneho textu. — Nitra: Univerzita Konstantína Filozofa v Nitre, 2012.

Sokolova J., Korina N. Človek — Jazyk — Diskurs. — Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2013.

Stěpanova L., Svašková M., Arkhangelska T. Obraz človeka vo frazeologii = Člověk ve frazeologii: výkladový slovník, tezaurus. — Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2016.

Tokarski R. Człowiek w definicji znaczeniowej słowa // Przekład Humastyczny, 1991b. — № 3–4. — S. 131–140.

Vaňková I., Nebeská I., Saicová-Římalová L., Šlédrová J. Co na srdci, to na jazyku. Kapitoly z kognitivní lingvistiky. — Praha: Nakladatelství Karolinum, 2005.

Данные об авторе

Ян Галло — кандидат филологических наук, доцент, Университет им. Константина Философа в Нитре, Философский факультет, Кафедра русистики (Нитра).

Адрес: 94901, Словацкая Республика, Нитра, Голлого, 8.

E-mail: jgallo@ukf.sk.

About the author

Ján Gallo, Associate Professor, Constantine the Philosopher University in Nitra, Faculty of Arts, Department of Russian Studies (Nitra).